

Набоков Вл.

25/7/90

Корреспондент
«ЛГ» встретился
с сыном
Владимира

ДРУГИЕ БЕРЕГА

Набокова
НАВЕРНОЕ, я так старательно читал и перечитывал перед этой встречей «Другие берега», что, едва в холле гостиницы появился этот человек — крупные черты продолговатого лица, высокий лоб, гармонично завершающий долговую линию большого, сильного и легкого тела, — я сразу узнал его.

— Вы Набоков!
— Да, господин Набоков, Дмитрий Владимирович. — Голос мягкий, грудной, глубокий. — Прощу извинить за опоздание. Дождь, пробки на дорогах... Поедемте в «Палас», там и побеседуем спокойно.

Отель «Палас», дом 100 по Гранд-рю, «большая улица» — так переводится это название. Набережная в Монре, протянувшаяся вдоль Женевского озера, еще век назад стала «большой улицей» русской эмиграции. Сперва в Монре — сказочно красивой уголке швейцарской Ривьеры — селились бежавшие от русской зимы дворяне-курортники. Потом — интеллигенты из социал-демократов (бывал тут и Ленин). И, наконец, после 1917-го появились те, кого называли белоземцами.

Отец переехал в Монре из Америки в середине пятидесятых. В те времена этот город был самым воплощением жизненной размеренности, буржуазной основательности. Отцу нужно было место для тихой каждодневной работы, и он нашел его. Кроме того, и я оказался от родителей недалеко. Тогда я выступал в Милане, в «Ла Скала».

Дмитрий Набоков — певец, бас. Исполнял ведущие партии в крупнейших оперных театрах мира: в Америке, Великобритании, Италии.

— Теперь я выступаю редко, — грустно улыбается он одними глазами — большими, миндалевидными («Говорят, глаза достались мне от матери»). — После смерти отца в основном занимаюсь архивами, переводами, новыми публикациями. Папа был бы рад, что его сейчас так широко издают. Однако возмущился бы тем, как произвольно трактуют его творчество, как грубо обходятся с его произведениями, в том числе и в России. Что же такое у вас творится? Издаются переведенные с английского стихи отца, которые мы с ним когда-то переводили с русского на английский!

И вообще: надо что-то делать по упорядочению издания книг Набокова в СССР. В отвратительном переводе вышла книга отца о Гоголе. Грубо обрезанный — не то редакцией, не то цензурой — появился «Дар». Письма Набокова деятелям российской зарубежной культуры печатаются в обратном переводе... Правда, появился недавно у нас и просвет за окном: в стадии оформления договора с московским издательством «Книга» о фотографическом воспроизведении набоковских романов, выпущенных лондонским «Ардисом».

Поймите меня правильно, мы с мамой не пресытившиеся наследники, избалованные набоковской славой, просто мы против того, чтобы с отцовским литературным наследием обращались как с предметом потребления. Помню, несколько лет назад, возмущенный очередным беспардонным обращением с произведениями отца в советской пе-

чати, я выступил по «Голосу Америки». Реакция в Москве была незамедлительной и однозначной. Известный ваш писатель отчитал меня в прессе: «Не волнуйтесь! Вам заплатят, мсье Набоков!». Господи, разве в деньгах суть! На первом месте должна быть литература, а не соревнование по гласности.

— А мне казалось, что с открытием Набокова для нашего широкого читателя изучением творчества Владимира Владимировича занялись лучшие литературоведы. Конечно, опоздание в развитии советского набоковедения есть, но, думаю, сократить отрыв нам помогут англоязычные исследования. Так, читая недавно вступительную статью к сборнику Набокова, изданному в Москве, я увидел ссылку на известную книгу Зинаиды Шаховской «В поисках Набокова»...

— Не надо об этом! Для нашей семьи этой книги не существует. Предпочитаем хранить молчание, нежели говорить о людях плохо. Что же касается литературоведа, с почтением цитирующего княгиню Шаховскую, не хочу быть по отношению к нему слишком строгим. Разве можно требовать многого от исследователя, с первых же строк сообщаящего читателям: Набоков скончался «в своем имении Монре, в Швейцарии»? Монре — вот оно, смотрите, набоковское «имение»!

Советские литературоведы, с которыми мне довелось встречаться в Америке на коллоквиуме, посвященном творчеству моего отца, рассказывали, что теперь у вас в стране проявляют инициативу по восстановлению именитых предков, созданию в них мемориалов. Говорили, что кое-где уже начат сбор средств на эту благородную цель. Правда, добавляли: пока финансово недостаточно... А я вот что по этому поводу думаю. Если хотя бы часть доходов от изданий Набокова в

СССР пошла на восстановление домов и квартир Набоковых, решение этой проблемы не заставило бы себя долго ждать.

Сегодня по мировой классификации у отца «Палас» пять звездочек: комфорт, покой, неназойливое обслуживание. Вера Евсеевна и Владимир Владимирович Набоковы поселились и прожили в этом «имении» много лет. Вдова писателя уехала из «Паласа» только после того, как начался капитальный ремонт отеля.

— Нет худа без добра, — считает Дмитрий Владимирович. — Каким бы комфортабельным ни был отель, гостиничный номер все равно остается гостиничным номером. Думаю, маме удобнее сейчас в квартире, которую мы нашли для нее в одном из зеленых кварталов Монре. Здоровье у нее плохое, а ум удивительно светлый. Все, что касается папиных дел, мы решаем вместе. Я отдаю много времени и сил сохранению доброго имени отца. Порой я ушерб себе. Ведь я тоже пишу: если раньше обычно занимался литературоведческой работой, то теперь готовлю и сдачу в издательство роман. Пишу по-английски и по-итальянски. Предижду ваши упреки. И на отца литературоведы российского зарубежья нередко нападали за то, что он якобы был недостаточно русским. Чуть какая-то! Если человек поистине талантлив, на каком бы языке он ни творил, он все равно будет принадлежать всему человечеству.

Литература не может быть космополитичной, она бывает или настоящей, или никакой. Как будто Пушкин не был бы гением, если б родился не в России!

— Но он тогда был бы не Пушкиным. Лязг — это взгляд на мир.
— Это уже другой вопрос. Останься

отец в 1940 году во Франции, он наверняка стал бы выдающимся французским писателем, а не американским. Уже была написана по-французски прекрасно принятая парижской критикой повесть «Мадемузель О», доклад о творчестве Пушкина...

Поймите меня правильно: Владимир Набоков был носителем универсальной, планетарной культуры, и принадлежит он сейчас Вселенной.

— И все-таки что же тогда «дух народа», если не язык? Именно русский Набоков признавал основным своим языком. И ностальгия была знакома ему, несмотря на «западный менталитет». Помните в «Других берегах»? «...Тоска по Родине. Она впиалась, эта тоска, в один небольшой уголок земли, и оторвать ее можно только с жизнью».

— Конечно, отец оставался в глубине души русским. Да и дома мы говорили только по-русски. Но замыкание в норке болезненного ностальгического душекопательства, столь свойственное многим литераторам русской эмиграции, было совершенно чуждо Владимиру Набокову. Кроме того, ни политика, ни то, что происходило в России, его не интересовало. Отец был слишком погружен в свое творчество. Его работоспособность поражала. С утра он писал, стоя у специального пишущего стола. К вечеру опускался на диван и продолжал работать лежа, иногда допоздна.

— «Я думаю и пишу, как гений, а говорю, как ребенок». Кажется, так у Набокова. Бернар Пиво, известный французский критик и журналист, рассказывал, как за год до смерти своего отца он пригласил его для участия в популярной литературной передаче «Апостроф». Владимир Владимирович согласился выступать только по заранее написанному тексту, причем обещал это сделать так, что зрители и не заметят шпаргалки.

— Так и было: на столе перед собой

Набоков воздвиг стопку книг и читал замаскированный за ними текст настолько артистически, что публика приняла все за блестящую импровизацию. Не говоря уж о том, что на протяжении передачи отец пил виски, которые Бернар Пиво подливал ему из чайника! Да, он очень любил мистификации, шутки. Во всем старался быть «перфракционистом» — совершенным, безупречным. В лекциях перед студентами не мог позволить себе пауз, заикания, слов-паразитов. Вел занятия только по написанному, тщательно подготовленному заранее тексту. Конечно, это усложняло жизнь, отнимало у отца много «литературного» времени. Но нет худа без добра. Благодаря этому вышли три книги лекций Набокова, в том числе о русской литературе, о Сервантесе... Его изнуряло словотворчество, мучила работа над стилем. И других писателей Набоков оценивал в зависимости от того, насколько требовательны они к языку.

Уж не след ли за Набоковым устремилась Америка в «Палас»? На месте французского ресторана на первом этаже открылось кафе знаменитой американской сети общественного питания «Мовенпик». У подъезда с теннисным пандусом для широких лимузинов застыли переплывшие Атлантику машины с опознавательными знаками из различных штатов США. Тут же замерла и «Феррари» Дмитрия Набокова с силуэтом Флориды на номере — зарегистрировано в Палм-Бич.

Отец любил автомобильные гонки. Увлеченно, по-мальчишески играл в теннис, футбол. Катался на лыжах. Обладал на редкость ровным, спокойным характером. Но даже когда он занимался бабками — а это, как известно, его вторая великая страсть после литературы, — видно было, что отец работает, пишет: про себя «прокручивает» слова. Их рождение, составление в искусную, причудливую цепочку было для него увлекательнейшей игрой. Письмо было для отца процессом живым, интимным, если хотите. Помню, когда мы жили в Европе, мама перепечатывала романы отца на разбитой, грохочущей машинке. В Америке же «Лолиту» и «Пнина» Набоков писал на одинакового формата карточках. Потом компоновал из них рукопись.

— А смог бы Владимир Владимирович писать с помощью компьютера? Не секрет, что все больше литераторов переходят сейчас на электронную клавиатуру.

— Ну, что вы! Нет. Отец не любил ничего «электрического». Техника не ассоциировалась у него с покоем, необходимым для творчества. Он ведь и выбрал Монре, потому что все тут было по-старому...
— Первым читателем Набокова была Вера Евсеевна, его жена. А как вы открывали для себя произведения отца?

— О, впервые это случилось, когда мне было четыре года! Мама прочитала «Аню в стране чудес». Лет через десять папа надписал и вручил мне «Под знаком незаконнорожденных». Первая наша совместная работа — перевод на английский лермонтовского «Героя нашего времени». До сих пор эту книгу можно найти в библиотеках американских университетов, в том числе и моего родного Гарварда.

— Дмитрий Владимирович, известно, что после смерти вашего отца в Монре остался его гигантский архив. Моног

«Лолита» по набоковскому сценарию. Займется этим американский режиссер Эдриен Лайн. Немало трудов стоило нашим агентам отчуждение авторских прав у создателей первого фильма «Лолита», сделанного Стенли Кубриком в 1962 году. Тогда сценарий был написан отцом, но режиссер последовал его трактовке романа весьма приблизительно.

— И тем не менее у Стенли Кубрина, на мой взгляд, фильм удался. Чего критика не говорит о спектакле «Лолита» по мотивам набоковского романа...

— Вы имеете в виду пьесу Эдварда Олби? Это гротескная карикатура. Если бы отец увидел ее, он бы ужаснулся. И у вас в стране это не только напечатано — кажется, в журнале «Даугва», — но и ставится в театре. Известный ленинградский режиссер Владимир с самыми добрыми намерениями сообщил мне об этом, надеясь обрадовать. А мне плакать хочется. Предижду, что неизбежное количество идиотов, считающих «Лолиту» порнографией, в ближайшее время в СССР возрастет. У «Лолиты» в вашей стране вообще тяжелая судьба. Десятилетиями «за хранение и распространение» романа грозили катажалой — и, наконец, не только грозили? — и вот наконец выпустили (издательство «Известия», 1989 г.)! Зачем только понадобилось это предисловие В. Ерофеева? Оно совершенно... не нужно! И учтите: я употребил самый дипломатичный эпитет из всех возможных в подобной ситуации.

— А где похоронен Владимир Владимирович?

— Тут же, в Кларан, пригороде Монре. Хотите поехать?

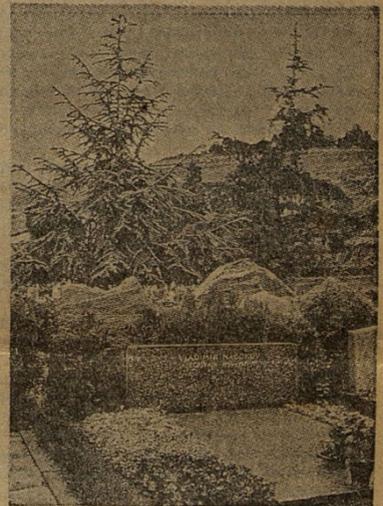
...Под теплым дождем, который, только стоило нам выйти из машины, припустил с новой силой, мы спустились на землю пустынного кладбища. Одна аллея, вторая. Поворот направо — и массивная плита: «Владимир Набоков [1899—1977], писатель». Где-то в стороне от покрытых вечным льдом гор отозвался эхом гром, и грянул ливень, щедрый, безоглядный!

Дмитрий Владимирович наконец справился с пластырем, которым был почему-то связан черный разлапистый зонт. Его купол хлопнул и натянулся под напором пружин. Дмитрий Владимирович облегнулся вадонул и поднял зонт над каменной плитой, возвышающейся над кладбищенским газоном.

— Отец всегда говорил, будто ему абсолютно все равно, что будет с памятью о нем...

Владимир Набоков мог позволить себе не заботиться об этом.

Кирилл ПРИВАЛОВ

Могила В. В. Набокова.

257